

Офросимов Ю. «Французский» «Вишневый сад» // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1955. 6 марта. № 15633. С. 8.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

„Французский” „Вишневый Сад”

Минувший чеховский год вывел на Западе большой интерес и к Чехову — драматургу. Если судить по радио-передачам миниатюры Чехова крепко вошли в западный репертуар то и дело «ловятся» «Предложения», «Медведь» по-итальянски, по-французски, по-немецки... А из больших чеховских пьес чаще всего передается почему то и для нас русских, наиболее далеко отошедшая «Чайка». Ее довелось мне слышать и по радио французской Швейцарии, и по итальянскому радио. К сожалению, про эти радио «Чайки» сказать ничего хорошего нельзя, это было пустое, без всякого настроения чтение пьесы, к тому же еще «приспосабливаемой», а вернее — искромсанной....

Но вот недавнее мое посещение Парижа совпало с постановкой «Вишневого Сада» театром Жана Луи Барро — Мадлен Рено. Театр этот считается ныне лучшим французским и к тому еще «авангардным» в репертуаре его Чехов чередовался с посмертной пьесой Жироу. Тем более было мне интересно посмотреть этот «французский» «Вишневый Сад», что в дигитальной Германии, когда немецкий театр был на большой высоте, имел я возможность долгое время следить за постановками берлинских сцен.

Трудно вспомнить добром немецкие постановки чеховских миниатюрных даже в репертуаре камерного театра были они чрезвычайно грубы, полны пересода и с ужасающей «клюквой». Героиня «Предложения» задирает грязную юбку, показывала ноги выше колен, прятала в дырявый чулок носовой платок и тянула водку из горлышка....

Более «добрым» вспоминается постановка «Трех сестер» в Гос. Драм. одним из самых талантливых режиссеров того времени — Юргеном Феллином. Была сделана эта постановка точнее по М. Х. Т. — те же декорации, безошибочно повторенны мизансцены, те же костюмы, гримы.... Но за всей этой тщательнейшей копией, за всей этой формой не было ни малейшего чеховского содержания, решительно никакого духа.... Бездуховный спектакль этот оказался прямо скучным и успеха не имел, несмотря на то, что играли в нем актеры первоклассные. Несмотря на добрую волю и старание всех участников, спектакль этот запомнился иллюстрацией того, что немцам чужд чеховский дух.

Трудность и ценность «Вишневого Сада» Жан Луи Барро в том, что постановка его, за исключением грима одного-двух персонажей, ни в какой мере не являлась копией М.Х.Т. и в то же время пыталась передать именно русский аромат пьесы, ее стиль и веяние минувшей эпохи. В такой попытке режиссеру очень помог художник Вашкевич — его интерьеры прекрасно передали политическую запущенность старой усадьбы и только хотелось пожалеть, что за распахнувшимся в первом акте окном хотя и пели по весеннему птицы, но оказались не цветущие белые ветви, а вовсе не поэтические черные сукна.... Прекрасны были и костюмы — хоть и были они ближе к тургеневской, нежели чеховской эпохе — и размещившаяся на прогулке 2 акта группа вызвала своей живописностью бурные аплодисменты. Но в упрек можно поставить художнику фантастическую студенческую шинель Пети — на ярко изумрудной подкладке.... И еще необычайно элегантно платья и меховое манто Раневской: продали их, несомненно, могла бы легко спасти свое имя....

Что делать: фирмы, давшие эти костюмы, шляпы, обувь, перчатки — знамениты не менее артистов и перечисление этих фирм заняло в программе добрых полстранички....

Постановка Жан Луи Барро стремилась передать неж-

ную музыку повседневности чеховской пьесы, заполнить медлительный темп ее и выявить то, что Станиславский называл «подводным течением» — внутренний смысл казался бы мало значущих разговоров, подчас неожиданных реплик. Мадлен Рено прекрасно изобразила трогательное, прелестное легкомыслие Раневской и никак не хочется поставить в упрек этой большой артистке, что в ней все же больше было французки, чем помещицы. Ведь как-какая, в сущности, помещица «опариженная» Раневская?.. Очень хорошим, «русским» и тоже очень трогательным Гаем был Пьер Бертен и удивительно для французского артиста убедительным оказался образ Лопухина, созданный Жан Дезайи — с внешностью под Леонидова. Приятны были и Аня с Варей. — Эти артисты создали подлинный концерт, зачаровавший французскую публику. К сожалению, в лучшем французском театре все же ансамбля не было создано и не странно ли, что все второстепенные роли —

о которых Станиславский говорит, что вообще таковых не существует — были и неверно поняты режиссером, и слабо сыграны. Без признака юмора — а ведь это так в них необходимо! — были и Дуниша, и Шарлотта, причем первая была показана совсем «засохшей» от любви... Лакей Яша оказался каким то не то мулатом, не то чортиком, сидевшим на диване скрестив ноги «по турецки»; от Епиходова остался один гротескный грим, — безличны были Фирс и Пищик.... Но наибольшее недоумение вызывал Петя в исполнении самого Барро. Это был не «недотепа», а хо-рошенький грустный мальчик и непростительный грех Барро-режиссера: в финале 2 акта, когда Варя кличет убежавших Аню и Петю — звала она с таким отчаянием, заламывая руки, и так перед тем вели себя сбывавшие, что ясно было: никаких идеально-чистых отношений между ними нет, дело идет совсем о другом, достаточно определенном. Уступка режиссера французской публике, которой не бы-

ли бы понятны отношения чеховской молодежи? Но и в таком случае — допустимо ли такое искажение Чехова!..

Слабо, как то по дилетантски был представлен «бал» 3 акта с бездушными статистами, со скрипачом под румынского, склоняющимся перед Раневской и наигрывающим ей «душераздирающие мелодии»... Уже совсем «от клюквы» момент перед отъездом, когда все не только садятся, но и продолжительно, истово крестятся.... Все это «ложечки дегтя» в постановке все же очень внимательно и любовно сделанной и, главное, отлично дошедшей до французского зрителя — и не особенно обидевшей русского.

Пресса единодушно отметила этот спектакль, как событие сезона, отметила и «чеховскую мелодию», безусловную сценичность его пьесы. Последнее нам очень интересно: ведь как часто до сих пор у нас принято попрекать Чехова за «несценичность»....

Показательно для успеха «Вишневого Сада» то, что после него ставит теперь «Трех сестер» Питовен-сын. Надеюсь, что и эту постановку в скорости доведется мне увидеть.

Ю. Офросимов.